

НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ ПЛОТ В ОКЕАНЕ ИСТОРИИ

Внутренние законы киргизской цивилизации как залог тысячелетнего выживания¹

*Памяти
российского ученого-востоковеда
генерала Бронислава Громбчевского*

Среди «топ-менеджеров» российской империи, занимавшихся огосударствлением Средней Азии с середины 19 века – открывателей, разведчиков, ученых (археологов, антропологов, лингвистов), военных и экономических аналитиков, были, как правило, люди конгениального уровня: сенатор П.П. Семенов-Тянь-Шанский, генерал Н.М. Пржевальский, казахский принц Чокан Валиханов, академик Вильгельм Радлов... Было бы справедливо назвать в этой славной череде имя Бронислава Людвиг Громбчевского, чьи наблюдения над жизнью и культурой южной Киргизии и сегодня впечатляют точностью, тактом и доброжелательностью истинного ученого и талантом администратора².

¹ Вячеслав И. Шаповалов – литературовед и этнополитолог, доктор филологических наук, профессор, лауреат государственной премии Киргизской Республики, заслуженный деятель культуры КР, народный поэт КР, переводчик тюркской и европейской поэзии (переводил на русский язык стихотворения Лешка А. Мочульского).

² Следует отдать должное исследователю Л.Р. Скреминской, которая своевременно напомнила о его труде «Podróże po Azji Środkowej», обстоятельно и бережно восстанавливая истинное значение практической деятельности и научного наследия сына польского народа, офицера, ученого-этнографа. Л.Р. Скреминская, «Podróże po Azji Środkowej» Бронислава Громбчевского как источник информации о повседневной жизни киргизского народа: К постановке проблемы, Статья сдана в печать в «Вестник КРСУ».

Вся эта плеяда этнографических наблюдений – от первых заметок майора Франела и наблюдений Радлова³ до фундаментального труда Абрамзона «Киргизы...»⁴ (попавшего в 70-е годы 20 века под слабеющий каток политических репрессий брежневской эпохи) – представляет собой непрерывную преемственную цепь открытий своеобразной национальной культуры конно-кочевого типа. И все же многое в ее этическом киргизской цивилизации коде, определяющее и характер современного общества, остается в достаточной мере неизвестным. Некоторым аспектам этой проблемы и посвящены предлагаемые заметки, тем более, что эта цивилизация в сфере воспитания социальной личности удивительно далека от европейской модели.

Культурогенез – проблема, всегда остро (подчас – излишне остро) воспринимаемая в околонуучной среде и отсюда распространяемая среди современников. Не что иное как сама история справедливо напоминает нам, что важно не то, откуда мы, а то, каковы мы как ее носители. Не до конца изжитое высокомерное отношение к кочевой цивилизационной модели, основывалось, как часто отмечается, на критериях и ценностях европейской (или, допустим, китайской) ценностных систем. То, что не соответствовало этим критериям, признавалось как бы «варварским»; а то, что соответствовало частично, «отсталым»⁵.

Что же мы прозевали в социальной психологии этой страны, неожиданно взорвавшей свой размеренный миропорядок в 1990-м и повторившей эти взрывы в форме государственных переворотов в 2005 и 2010-м? Почему нам, европейцам, думающим, что мы знаем этот народ, вдруг приходится удивляться? В чем секреты «правоты» и «неправоты» этноса, который старше славян, но на который запад позволяет себе поглядывать сверху?

³ В. Радлов, *Образцы народной литературы северных тюркских племен.* – Ч. V.: *Наречие дикокаменных киргизов*, СПб. 1885.

⁴ С.М. Абрамзон, *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи*, М. 1970.

⁵ В.М. Плоских, А.А. Бекбалаев, В.И. Шаповалов, «Перформанс приоритетов»: *прошлое принадлежит будущему (Поиск идентичности и контексты национальной истории)*, «Вестник КРСУ» 2010, № 6; А.Л. Тузов, В.И. Шаповалов, Кыргызстан – сердцем и разумом, «Дружба народов» 2010, № 1.

В смене веков могущественные народы и государства на Великом Шелковом пути, да и на всяких иных путях, исчезли, как исчезла и память о них. А маленький киргизский этнос, переживший некогда и геноцид, и опасность растворения в гигантском гуннском котле (об этом хорошо пишет исторический романист и филолог Амангельды Бекба-лаев), как позже – в котле монгольском, этот незаметный кочующий по малым (реже – по большим) маршрутам народ остался, сохранил язык и культурную память, создал величайший по мировым меркам эпос, не утратил модель государственности и резко спуртовал на прямом отрезке XX века, вынырнув из-за спин соседей у финишной ленты в виде своего, суверенного, пусть и небольшого государства.

В чем изначальный, важный во все времена секрет этого феномена? Думается, что спасительным был во всех исторических передрягах для киргизской нации ее стержень – традиционный киргизский *аил*. Переводится как *селение, семья*, но фактический смысл понятия иной – символ уклада жизни, коллективной психологии, самодостаточной ячейки общества.

«Аил» – микровселенная киргиза

Кто из нас в детстве не читал Тура Хейердала! Кто не помнит комической, но полной внутреннего смысла картины, описанной им с лодки, на гребне волны: знаменитый плот Кон-Тики, пересекающий океан, в этот момент казался разительно неуместным на морском просторе. Вполне возможно, так и выглядит киргизский аил в его этнографическом варианте из окна туристического автобуса: войлочные *юрты*, кони, жеребята, ягнята и дети, скачущие, бегущие по зелени горного пастбища, чистая горная река, замкнутый белыми вершинами и зелеными склонами горизонт. Красочная эта жизнерадостность, между прочим, не выцветает тысячи лет, но в глубине сцены – сложный и предельно функциональный мир. Аил – родовая “макро”-семья, во главе лидер – *бай*, рядом с ним почтенные старцы-*аксакалы* (букв.: белобородые), мужчины разных возрастов и сфер влияния – все они сородичи; семейный мир женщин — снохи, дети – возглавляет жена бая, *бай-биче*. Устоявшиеся отношения, незыблемые и неизменные ценности,

жесткая самодисциплина. Схема повторяет традиционный азиатский (особенно кочевой, но отнюдь не обязательно только кочевой) уклад, однако от этого ее социальная гармония не становится менее совершенной. Советизация, урбанизация, а теперь уж и глобализация, естественно, всю эту гармонию пытались разрушить, но аил, как колобок из русской сказки, от всех ушел! При коллективизации аил записывал своего бая происхожденцем из батраков и ставил его председателем колхоза (причем этот секрет Полишинеля знали все, вплоть до ЦК, но помалкивали: в стране коммунистов везде были свои батраки).

Источники этого мощного внутреннего сопротивления советской «имперскости» в историческом прошлом. *«Народное сознание развито у них („кара-киргизов”. – В.Ш.) гораздо более, чем у остальных северных тюркских племен. Продолжительные войны прошлого столетия крепко соединили их в одно целое, если не в политическом отношении, это у народа кочующего немыслимо, то, по крайней мере, в общих их стремлениях и идеалах, которые резко выделяют их из среды всех соплеменников»*. Если в этом высказывании кто-то увидит противоречия в сфере социальной психологии, то его основной смысл все же ясен и бесспорен. Довольно неожиданно этот радловский тезис комментируется теорией игр и национально-культурной конкретикой.

Об этом изящное исследование философа и знатока национальной символики, академика Аскара Какеева. Древняя народная игра в кости, «Ордо» (суперпопулярная и сегодня) – есть семиотическая копия структуры и властных отношений военно-демократической государственности кыргызов, которые давным-давно пронизывают общество. Цель игры – защита своего «хана» и свержение чужого. Две команды и толпа фанатов сражаются всегда до последнего. Поражают масштабы игрового познания мира: в тщательно расчерченном круге – магические *альчики*, бараньи кости, символизирующие ветви власти, параллель напрашивается сразу: администрация, правительство, парламент, генштаб и даже некие вооруженные силы (сорок альчиков – сорок дружинников эпического героя Манаса); добавьте к этим фигуркам с десятков олигархов. Все эти фигуры выбиваются бросками биты. Если выбит Хан, он считается покинувшим свою резиденцию, и осуществляется *хан тааламай* – разграбление ханской ставки (то,

что произошло в 2005 году, когда был разграблен «Белый Дом» в столице Киргизии). Название игры – «Ордо» – и означает: «Ставка».

По преданию, сотни две лет назад именно на таком «международном матче» игры «Ордо» разгорелся многолетний военный конфликт между могущественными племенными объединениями – Бугу (Олень) и Сарыбагыш (Рыжий Лось).

Если мы в состоянии представить себе эту многократно повторяемую картину и осознать, что эта игра не стареет веками, что эта политическая дрессура – народный обычай, то мы поймем, какова степень огосударствленности сознания, точнее – «коллективного бессознательного» этого народа.

Но в основе такой политической энергии, пронизывающей общество, некий *изначальный коллективизм* – аил и аильное сознание. И хорошо, что сегодня в основательно пограбленной и обнищавшей стране аил возрождается – на смену колхозам и совхозам. Но возрождение это идет медленно и мучительно.

Вот пример: мои знакомые в предгорьях Чуйской долины выкупили землю, собрали сородичей, стали жить этаким изолированным “хутором”. Сами собой восстановились иерархия и властная структура, выделилась коллективная часть собственности; молодежь отправили на заработки, родственников, работающих в районных организациях, “напрягли” – и те помогли с кредитами и техникой; запретили выпивку (кроме оговоренных праздников) и т.д. Через несколько лет стали жить заметно лучше. Начали осторожно продвигать своих сородичей во власть, в том числе в выборные органы, чтобы те потом помогали аилу (вот пример новых форм древней коррупции!). Что тут особенно важно: структура аила воспроизведена инстинктивно традиционно, без намека на прогресс, на какие-либо социальные нововведения, без демократических либо либеральных лозунгов, всё – как сто лет назад.

«За мною – мой род, я не раб, я не одиночка»

Этим тезисом жесточайшим образом определяется бытие современного киргиза, как оно определялось столетия назад.

Бесспорна привязанность человека к некоей воде, из которой он вышел и в которую нельзя войти дважды. Речь идет о предках (в советское время это самоощущение в нас убили). Такая память дана не всем. Но вот многие ли из нас, европейцев, способны вспомнить хотя бы имя своего прадеда! С нашим индивидуалистическим мироощущением мы отчетливо выглядим «иванами, не помнящими родства». Почему же киргиз помнит семь колен своих предков?...

Уже один этот обычай многое говорит об обществе, его породившем. Как это похоже и не похоже на скрытые статусные рычаги общения в современном мире! Что это, в сущности, такое – «семь колен предков»? Принято считать (и вам это доброжелательно объяснят), что это реакция на «паранойю номадов» – подсознательную постоянную боязнь утратить родовую информацию, изустно хранимое наследие, историческую память. Это все так, но...

На самом деле все, видимо, сложнее – и эти смыслы для чужих уже не афишируются: указывая на семь колен своих предков, ты доказательно утверждаешь, что ты – не раб.

«Я не раб!» Есть ли что-то более значимое, чем это, для человека, ведущего свою родословную из глубины веков? Ты принадлежишь к определенному роду, племени, племенному союзу, группе племен, части народа – и этим претендуешь на место под солнцем, место на пиру, место в бою, место среди соплеменников. В немногочисленном этносе очень легко отследить каждого человека; вспомним, что в деревнях и даже небольших (и даже – средних!) городах невозможно прожить незамеченным – и не попасть, к примеру, в орбиту сплетен и слухов: вся твоя жизнь – на ладони.

В Киргизии очень легко подтвердить или опровергнуть статус человека, если он называет своих предков. Истинность информации выясняется тут же и немедленно: в киргизском обществе везде и всегда есть свои «народные историки», потрясающие знатоки гигантских родовых схем «*санжыра*», они тут же протестируют тебя, вычислят твоих родичей (в том числе и то обстоятельство, кто из них у власти сегодня, кто был вчера, чем знаменита твоя «генетическая линия») и посадят тебя на соответственное место в кругу – правда, в пределах твоего возраста и положения.

Конечно, тут полно охотников вывести свою родословную если не от Адама, то хотя бы от князя Атаке-бия, направившего посланцев мира к императрице Екатерине Великой. В СССР все киргизстанские руководители были детьми «батраков» или «беднейших дехкан»; сегодня это не приветствуется – все бы рады стать потомками князей. Однако мудрецы «санжырологи» стоят на пути такой поголовной аристократизации. Или – обслуживают ее...

Но вот внутренняя просвеченность общества X-лучами родового статуса такова, что и не снилась никаким «контролирующим органам». Твоя жизнь принадлежит не только тебе, она – собственность твоего рода.

Сородичи помогут тебя вырастить, выкормить, выучить, женят тебя, смягчат страшный гнет расходов на свадьбу, помогут тебе похоронить твоих стариков (что традиционно требует еще более значительных затрат) и в свою очередь выучить твоих детей – тебя не оставят наедине с невзгодами.

Но ты ни на минуту не свободен от чувства спаянности с родом, ты его частица, ты служишь ему там, куда он тебя продвинет, ты скорбишь с сородичами в минуты утрат и радуешься с ними на торжествах. Это непростое бытие для индивидуального сознания – но здесь, в Киргизии, человеку другой жизни и не нужно, он ее не приемлет, ему жизнь только такая и нужна. И если ты стал «начальником», ты начинаешь продвигать своих сородичей – только они будут служить тебе верно, а чужие сородичи сделают всё, чтобы свалить тебе и поставить на твое место уже своего родственника.

Вот почему «кадровые состязания на зеленом лугу» – неременная деталь киргизской государственности в любой ее точке.

Потому на вопрос «чей ты сын?» в Кыргызстане недостаточным и даже неуместным будет ответ «я – киргиз», чего, в принципе, хватило бы любому жителю Альп, Урала, Пиренеев. Нет, тут ответят: «Я из рода бугу», или «Я – сарыбагыш», «Я – саяк», «Я – из саруу», «Я – из адигине» и т.д. Да и то, назовись саяком, тебя спросят: «Какой саяк? Горный? Морской? Суперсаяк?...». Как-то автор этой статьи на мужской вечеринке выдал стихотворную импровизацию — *токме*, высоко ценимую в застолье (что-то вроде: «*Вот наш друг, он вели-*

кий джумгальский саяк, Он прекрасен, как лучший французский коньяк!»). Растроганный объект тоста чуть ли не со слезами на глазах немедленно преподнес автору бутылку французского коньяку. Красивое слово ценится выше всего! Но ценится и чувство рода.

Однако же, если вопрос прозвучит на чужбине, киргиз ответит: «Я – киргиз!» И это красноречивая черта. Говоря: «я – киргиз», он будет подразумевать главное и высокое: я – сородич великого героя Манаса, я – потомок Матери-Оленихи, я – земляк Айтматова...

Вообще-то киргизы легко создают землячества в чужих краях, легко и искренне адаптируются, но внутри этого адаптируемого микрокосма будут во всей строгости и прелести царить те же нормы, что и дома. Так что в выходной день где-нибудь в Москве студенты либо аспиранты-земляки пойдут на рынок и купят половину бараньей туши, приготовят традиционный *бешбармак* (слово из киргизского новояза, буквально означающее «пять пальцев»), ритуальный ужин напомнит им о родине, хоть мясо промышленно загубленной русской овцы ну никак не похоже на мясо барашка, нагулявшего вольный жир в горах, на травах, полных редкоземельных «нано»-добавок, и зарезанного с молитвой и по правилам.

А сноха-кыргызка, где-нибудь в Балтиморе, будет так же, как у себя в Караколе, почтительно прислуживать за столом американским родителям мужа (а те чисто по-американски так ничего и не оценят, потому что ничего не поймут).

На юбилейных торжествах, свадьбах киргизы рассаживают гостей тоже по семейному делению, с учетом тончайших этических нюансов, европейскому слуху абсолютно недоступных. Этими же группами сородичей они выходят для коллективного поздравления, где каждый что-то красивое скажет или споет. Порядок тостов регламентирован тончайшим образом – это уже вопрос статуса. Те, кто пришел со стороны, не сородичи, сидят в «сборных командах», вполне почетных, но они порой лишены привычного психологического комфорта, и мне приходилось видеть тому примеры, правда, неявные. И в этом процессе никогда не будет сделано ни одной ошибки – всякому гостю и всякой группе в общем застолье будет предоставлено абсолютно адекватное место, обхождение, угощение. Впрочем, на это как бы и не обращается

явного внимания – это, разумеется, само собой, и накладок не может быть, потому что их не может быть никогда. Такого не позволит повсеместное воспитание, включающее культуру поведения за столом, где кыргыз даст сто очков фoры любому дипломату, куда входит умение разделить тушу животного на «джилики» – так же, как и тысячу лет назад, и великое множество незаметных непривычному глазу штрихов, суммирующихся в неповторимый культурный фенотип.

Кыргыз, не знающий своего рода и лишенный сородичей, оглушительно одинок. Нельзя больше унижить человека, чем сказать о нем: «безродный». Киргиз без родственников и чувства рода за спиной несчастен, даже если он это и пытается скрыть. И принадлежность к группе должна, естественно, быть истинной, а не формальной. Один из знаменитых деятелей искусства (я близко знал этого человека) не имел детей, но, вопреки настойчивым рекомендациям родственников, отказался отсылать обратно родителям жену, которая не смогла родить ему сына или дочь. Они взяли на воспитание мальчика, причем из другого, далекого рода, далекого региона, из простой семьи. Мальчик вырос, стал тоже довольно известным специалистом, занял соответствующее место в обществе (более сложно организованном и регламентированном, чем это имеет место, к примеру, в России). Но когда он узнал о своем происхождении (это уже было после кончины приемного отца), он отказался от знаменитой фамилии и привилегий, разорвал родственные связи – пришел к своим сородичам и попросил принять его в семью, о которой раньше ничего не знал.

Вот, вероятно, почему здесь был, да и сейчас остается почти невозможным воспринимаемый в европах как знак прогресса конфликт типа «отцы и дети»: сын (чаще всего старший, но не обязательно) в кыргызской семье воспитывается у родителей мужа или жены – у деда с бабушкой. Ребенок и называет-то их *атаке* (папа) и *ана* или *эне* (мама). Старший сын вырастает в социально-психологическом смысле клоном своего отца, ведь ему предстоит когда-то занять его место. А воспитываясь у стариков, он знает о своей будущей миссии, и его готовят к этой ответственности самим фактом существования именно как *сына*, наследника имени, *олуя* (господина). Вообще ребенка – мальчика! – традиционно стремятся наделить суперменскими

качествами, и это всегда очень отчетливо, хоть и имплицитно, отражается на процессе формирования личности: в будущем ему отвечать за семью, а значит, он должен уметь ответить и за род, и за народ. Тому, кто стоит во главе, всегда дышит в затылок его родственник, готовый его заменить...

Известно средневековое правило, доведенное до абсолюта на Востоке: хочешь обескрылить народ – систематически выбивай мужчин-лидеров, тогда прервется генетический лидерский потенциал. Именно так, говорят, действовали кокандские и бухарские власти в отношении киргизов.

Здесь, о традиционном личностном властолюбии киргиза ходят анекдоты, которые часто нои, народ с великолепным чувством юмора и слова, сами же о себе и сочиняют: *«Как избавиться от русских? – Сделать водку бесплатной, все мигом сопьются. Как избавиться от узбеков? – Закрывать базары, без торговли мигом вымрут от тоски. Как избавиться от кыргызов? – Вырыть большую яму, на дно бросить портфель и шляпу, мигом все туда попрыгают!»*.

Шутки шутками, но киргиз не боится взять на себя власть и готов к ответственности: олуя чувствует за спиной поддержку аила и подсознательно считает любое стремление к любой власти своим гражданским долгом.

Имперские шаблоны и сопротивление тысячелетнего социума

У киргизов культура острого слова чрезвычайно развита. Никакой записной оратор – европеец ли, русский – близко не стоит рядом с простым старичком из бог знает какой глуши. Если старичок этот (метр со шляпой, с реденькой седой бороденкой или, напротив, могучий грузный седовласый великан в белой войлочной шапке) откроет рот и что-то начнет говорить, заслушаешься, даже если не знаешь ни единого слова киргизского. Великолепные периоды, сдержанная жестикация, дозированные, но отнюдь не мелодекламатичные паузы, напряженное молчание: перебивать аксакала – смертный грех, как и вообще пытаться противоречить ему! Ни один здравомыслящий киргиз такой бестактности себе никогда не позволит. А уж если ста-

рик этот – фронтовик (Кыргызстан многих своих лучших сыновей отдал Великой Отечественной), то всегда он удивительно хорошо говорит по-русски и как собеседник просто поражает мудростью и тактом.

Академик В. Радлов писал с восторгом, которого не смогло заслонить и медленное немецко-академическое чувство юмора: *«Нельзя не удивляться тому, что киргизы владеют своим языком. Киргиз всегда говорит бегло, не останавливаясь и не запинаясь... Он умеет придать своей речи известную долю изящества, и даже в самом обыкновенном разговоре при построении фраз и периодов у него является часто ясный ритмический размер... Слушатели с необыкновенным наслаждением следят за его словами и вполне умеют ценить удачную речь... Все сидят, наклонившись вперед, с блестящими восторженными глазами и, затаив дыхание, прислушиваются к словам оратора...»*. И вот тут, в словах этнографа, вдруг улавливается ощущение дистанции цивилизаций – и, кроме смеха, появляется некое ощущение не то легкой грусти, не то доброй такой зависти: *«Это необыкновенное красноречие, свойственное киргизу, естественно вытекает из окружающих его условий. Киргиз имеет и время упражняться в этом искусстве: он болтает днем и ночью, так как еда и сон – единственные занятия, препятствующие ему говорить»*.

Тогда понятно, откуда у киргизов великолепная культура анекдота, скорее, исполненная скептической мудрости, чем пассионарной задиристости. Вот текст, прекрасно выражающий, к примеру, отношения имперской власти и власти своей. Но здесь выражен также и поведенческий код почтенного старца-аксакала (который ни при каких обстоятельствах не утратит тона доброжелательной толерантности и которому, кстати, никто и не подумает возразить): *«Идет старик-киргиз по Москве. Дождь. Людские толпы, толчея. Лежит в сторонке, на тротуаре мужик – пьян в стельку. Старик наклоняется над ним, поворачивает его голову поудобнее и грустно говорит: „Вот, русский сынок, лежишь, как собака. Никому не нужен. Обидно. У нас бы вторым секретарем ЦК работал!...”»*.

В «национальных республиках» (вот формулировка! – смесь терминологического идиотизма с бюрократической казуистикой) пост

второго секретаря местного ЦК местной коммунистической партии железно занимал русский – «смотрящий». Обычно он не лез в глубинку, а национальные бытийные шифры, где, собственно, собака и зарыта, были ему и непонятны, и неинтересны. Разные люди работали и у нас Вторыми, соответственным было и отношение к ним. Когда в Казахстане на смену Кунаеву Первым был назначен Второй (русский Колбин), начались события, потрясшие СССР. Если бы был назначен не Второй, а любой свой – борцы за демократию сидели бы дома и пили чай. Так что анекдот с подтекстом.

Несколько лет назад многие аналитики (и громче всех, кажется, Андраник Мигранян) заговорили о том, что Киргизию разорвут на две части два среднеазиатских гиганта – две соседние страны. Так планету Фаэтон, считают звездочеты, разорвало притяжение двух гигантов – Юпитера и Сатурна. Астрономический кошмар, однако, вряд ли воплотится в геополитической реальности. И не такие бури проносились над этим маленьким народом и смутными границами его земли. Кыргыз Го (Владение Кыргыз) – некое государственное образование где-то у северной границы Ханьской империи, так именовали его в официальных китайских хрониках, если следовать аккуратному и мудрому историку Сыма Цяню, и возраст этих документов – 2200 лет: тогда же впервые был упомянут и собственно этноним – «киргиз».

Начнем с государственности. Тем более что потом, когда в Кыргызстане этот вопрос, инициировав, подняли на государственную же высоту, в сопредельных просторах хватало разных, не всегда доброжелательных, а часто, в определенных кругах, и прямо-таки раздраженных, откликов.

В последние годы минувшего тысячелетия в Кыргызстане спохватились, что узловые вопросы истории (как-то: кто мы? откуда мы? когда мы? и проч.) не проработаны: проще было говорить, что до 1917 года не было ничего хорошего. Что ж, в Национальном университете провели несколько обстоятельных консультаций, прошли, как водится, «круглые столы», пригласили к дискуссии авторитетных специалистов-киргизоведов из России, Китая, Казахстана. Провели международную конференцию, основательно подготовив материалы.

Никому не хотелось поспешности и ошибок, действовали в рамках необходимой научной осторожности. Вывод был достаточно серьезно аргументирован: согласно китайским официальным летописям, кыргызской государственности больше двух тысяч лет, хотя ее история полна лакун, и подробной картины воссоздать, видимо, не удастся.

В сопредельных молодых государствах вспыхнула зависть. Немедленно в гламурных изданиях азиатских столиц появились изящные гипотезы о тесном родстве казахов и шумеров, узбеков и прототюрков, туркмен и парфян; в Кыргызстане в моде побыл некий юноша из США, который (кстати, на неплохом кыргызском языке) открыл нам, что имя великого героя киргизов – Манас – имеет непосредственное отношение к одному из двенадцати израилевых колен – роду Манассии: местная трактовка была однозначной – иудеи наши родичи, ибо откочевали из палестин в «ата журт», *отчую землю* (в тюркском мире считается, что киргизско-казахское Семиречье – историческая прародина всех тюркских этносов). Ныне, бывает, за дружеским угощением нет-нет да и заговорят о том, что вот в Америку по Беринговому перешейку тридцать тысяч лет назад двинулись не кто иные, как наши киргизские предки: недаром какие-то тотемы североамериканских индейцев так похожи на родовые орнаменты киргизов. Национальная интеллигенция иногда поглядывает на этот перформанс со скептицизмом (сдержанным, однако). В такой обстановке несколько лет назад прекрасный театровед и режиссер из Казахстана сделал на заседании открытой нами Центрально-Азиатской академии искусств веселый доклад о происхождении казахов непосредственно от амёбы и инфузории. Но все чаще духовные вожди местного масштаба входят в шаманский транс, напоминая о великом прошлом как о бесспорном векселе на получение великого будущего.

В общем, человечество, смеясь, расстается со старыми мифами – чтобы заменить их новыми. Чем это кончается, показали события последнего десятилетия.

Сосуществование Империи с северными кыргызскими племенами вплоть до трагедии взаимного геноцида 1916 года было длительным и спокойным. Этнографу и администратору Брониславу Гром-

бчевскому было в его трудах очень и очень нелегко, ведь он работал в воинственном алайском регионе, где жили киргизы юга, пронизанные кокандско-бухарской государственностью, но ею отнюдь не побежденные (часто киргизские князья-манапы попросту ставили на престол или «снимали с работы» кокандских верховных ханов). На юге поначалу жестко встретили регулярные войска генерала Скеобелева, но и он, и мудрая Курманджан-датка, «Алайская царица», были дипломатами и мыслили по-государственному. Силы были неравны. И когда осудили на смертную казнь сына Алайской царицы, которому было предъявлено обвинение в контроле наркотрафика, мать и пальцем не шевельнула, чтобы его спасти. Мудрая женщина понимала, что это вызовет кровавое противостояние – и смолчала. Только заплакала, сложила потрясающе горький плач – *кошок* – над телом казненного сына: *«Про себя я плачу, сынок, Слезы свои прячу, сынок, Бедные ресницы мои Ни за что не дрогнут от слез, Чтоб не рад был горю наш враг, Чтобы зла он нам не принес...»*.

Как-то, лет десять назад, одному из нас попало на глаза брачное объявление в газете: *«Молодая киргизка с высшим образованием, строгая, миловидная, с современными взглядами, ищет спутника жизни, имеющего серьезные намерения, киргиза. Уроженцев юга просят не беспокоиться...»*. Сказать, что то был шокирующий текст? Для некиргызов – отчасти да, для киргызов давно привычная реалия, обусловленная особенностями «разделенного» исторического пути, сложным воздействием разных факторов; трещина между Югом и Севером – давняя боль общества. Киргизы здесь отнюдь не оригинальны, такими фактами полна и благополучная Европа. И остается лишь надеяться, что позитивная энергия государственности, общественная зрелость и толерантность, отрезвление от межнационального конфликта 2010 года, да, в конечном счете, и неумолимое нашествие глобальной уравниловки как-то сгладят культурно-бытовые противоречия, столь характерные в прошлом для многоплеменного этноса.

В последнее время (и это болезнь, так сказать, глобальная) этносы «вместо культурного взаимодействия сосредоточились на процессах культурной самоидентификации, на возрождении и актуализации

своей традиционной культуры», и все это ведет к заметной самоизоляции этнических культур. Такие слова звучали не раз – и на самом серьезном уровне, но чем отчетливее и бескомпромисснее были формулировки, тем равнодушнее им внимали и внемлют далеко не только в правительствах центрально-азиатских стран.

Славянская (а в Киргизии ни русские, ни белорусы, ни поляки, ни украинцы, ни чехи резко друг от друга никогда не отъединялись) культура и русский язык, по единодушному мнению исследователей, не являются ни оппонентами, ни неким препятствием развитию культуры и языка стран, прежде входивших в СССР. Они составляют существенную часть автохтонной национальной культуры. Убрать, вытеснить или уничтожить эту часть – значит лишить само целое и источника, и механизмов саморазвития и самосовершенствования. Ученые говорят – и их беспощадные инвективы словно сделаны из углеродистой стали: приход технологической цивилизации в рамках истории сопоставим с ее неизбежным уходом; уход русских из Центральной Азии (хоть этот процесс дискретен и осложнен всякими нюансами) был и остается уходом, несмотря на бодрые лозунги с обеих сторон, а иногда и стилистически очень удачные заклинания Содружества.

Всякая параллель – вещь опасная. Но допустимо все же, хоть и невероятно отдаленно, сопоставить процесс ухода русских с уходом англичан из Индии и уходом французов из Алжира. Англичане ушли из Индии, оставив свой язык в качестве официального, оставив сложившуюся государственность и культурно-языковую толерантность, оставив города и инфраструктуру, оставив уважение к «проклятым колонизаторам» и оставив созданную при этом цивилизацию, которая дала Индии силы, стимулы и сознание для современного индийского чуда. Французы ушли по-иному. Что происходит в ЮАР – еще толком неизвестно, но ничего особо хорошего не видно. Как уйдет Россия и кто ей вслед скажет «спасибо!», и скажет ли вообще кто-нибудь? А ведь она была не беспощадной метрополией, а матерью – и пусть не родной матерью, но кормилицей. За всеми этими процессами, опять же «в глубине сцены», – бесчисленные человеческие драмы.

Все это, будучи достаточно абстрактным в политологических схемах, приобретает угрожающую конкретность, когда наполняется общечеловеческим содержанием прожитых дней. Но на взгляд исследователя многообразная и многоуровневая проблема экспликации цивилизационного богатства киргизов – задача благодатная и своевременная. И представляется уместным завершить эту мысль словами Л. Скреминской: «В конечном итоге все это приводит к пониманию того, что каждая социокультурная система вырабатывает свои сложные структуры жизнедеятельности, которые охватывают все стороны человеческой жизни, но с наибольшей полнотой выражаются в жизни повседневной»⁶.

А мы живем именно в системе координат повседневности, но отнюдь не в центре вечности.

Streszczenie

Artykuł przedstawia wybrane elementy tradycyjnej cywilizacji kirgiskiej typu koczowniczego, która wywiera wpływ także na charakter współczesnego społeczeństwa, a pod względem wychowania społecznego jednostki zasadniczo różni się od modelu europejskiego. Autor zastanawia się nad fenomenem żywotności i specyfiką małego etnosu kirgiskiego, który zdołał przetrwać długie stulecia, podczas gdy wiele wielkich narodów i państw na Szlaku Jedwabnym zanikło. Narod ten zachował swój język, pamięć historyczną, kulturę, model państwowości i stworzył wielki epos. Sekret tego zjawiska tkwi w tradycyjnym kirgiskim *aile*, rozumianym jako rodzina, ale też jako symbol układu życia, samowystarczalna komórka społeczna, mikrokosmos Kirgiza. Niezmiernie ważną cechą bytu mieszkańców Kirgistanu jest poczucie przynależności do rodu oraz sięgająca głęboko wstecz pamięć o przodkach. Kolejny element wyróżniający Kirgizów to wysoko rozwinięta kultura ostrego słowa. Autor zwraca też uwagę na pewne problemy, z którymi musi zmierzyć się współczesne społeczeństwo kirgiskie w nowych warunkach geopolitycznych. Do takich należą niektóre podziały, jak np. pęknięcie

⁶ Л.Р. Скреминская, «*Podróże po Azji Środkowej*» Бронислава Громбчевского как источник информации о повседневной жизни киргизского народа: К постановке проблемы, Статья сдана в печать в «Вестник КРСУ».

na północ–południe. Kolejny problem to ocena miejsca kultury i języka rosyjskiego w autochtonicznej kulturze narodowej oraz przebiegu i konsekwencji procesu „wycofywania się” Rosji z byłych republik radzieckich. W opinii autora Rosja była dla nich matką, choć nie rodzoną, lecz karmicielką.

Summary

This article presents selected elements of the traditional Kyrgyz nomadic type of civilization, which affected also the nature of modern society, and is fundamentally different from the European model in terms of social education. The author reflects on the phenomenon of vitality and the specifics of the small Kyrgyz ethnos that managed to survive many centuries, while many great nations and countries of the Silk Road disappeared. The nation preserved its language, history, culture, model of state and created its own ethos. The secret of this is the traditional Kyrgyz aile, understood as family, but also as: a symbol of a lifestyle, a self-sufficient social cell and microcosm of the Kyrgyz. A sense of belonging to the family and the deep back reaching memory of its ancestors is an extremely important feature of being of the Kyrgyzstan citizens. The author also draws attention to some of the problems of the Kyrgyz society in the new geopolitical circumstances. Another problem is the evaluation of the place of the Russian language and culture in indigenous national culture and the course and consequences of the process of “withdrawal” of Russia from the former Soviet republics. In the author’s opinion, Russia was a mother, not by birth, but nonetheless a nourisher.